

Пока Мейсон надевал галстук-бабочку к смокингу, его мама, Лили, вошла в его комнату, одетая в красивое красное платье, которое она купила специально для этого случая... выпускного своего единственного сына. Мейсон был единственным мужчиной в ее жизни, который никогда не разочаровывал ее.

"Ты выглядишь таким красивым", - сказала мать. Она так гордилась своим единственным ребенком. Он заканчивал школу с отличием и полной футбольной стипендией, и благодаря ему почти два десятилетия ее личных жертв стоили того.

Мейсон повернулся, чтобы полюбоваться мамой, и, хотя он знал, какая она красивая, не смог скрыть восхищения. Сегодня его мама выглядела просто восхитительно. Его взгляд прошелся по ее стройному телу. Ее ноги украшали прозрачные загорелые нейлоны, а босоножки на высоком каблуке демонстрировали пальцы, недавно покрашенные в красный цвет. Ему нравилось, когда она надевала нейлоновые чулки, и он почувствовал, как его член твердеет в смокинге. Он был рад, что сидит на краю кровати; возможно, она не заметит, как сильно возбуждает его.

Мейсон, который обычно был хитрым с дамами, а часто даже со своей любимой матерью, заикаясь, смотрел на ее великолепное лицо, но все еще отвлекался на ее красоту и обтянутые нейлоном ноги и ступни: "Ты... ты сама выглядишь просто потрясающе".

"Я не помню, когда в последний раз одевалась", - сказала она, впервые за долгое время почувствовав себя сексуальной.

"Свадьба Джоан", - предложил Мейсон.

"Это было три года назад", - сказала Лили, удивляясь, что прошло уже три года с тех пор, как она наряжалась... Боже, как летит время.

"Очень красивое платье", - похвалил Мейсон, чувствуя, что говорит как болван.

"Только лучшее для моего сына", - улыбнулась она, протягивая ему конверт.

"Что это?" спросил Мейсон.

"Конверт", - поддразнила Лили.

"Ого, как раз то, что я всегда хотел", - пошутил Мейсон в ответ, как всегда, наслаждаясь остроумным подшучиванием, которым они с матерью часто обменивались.

"Открой его", - уговаривала она, предвкушая его взволнованное выражение лица.

"Тебе не нужно было ничего мне дарить", - сказал Мейсон, зная, что с деньгами всегда было туго.

"Конечно, да", - сказала сияющая мать. "Ты заканчиваешь среднюю школу".

"Любой может закончить среднюю школу", - заметил Мейсон, раздраженный системой "никто не проваливается", которой, похоже, теперь придерживалась его школа.

"Может быть, но не все заканчивают школу с отличием и получают полную стипендию в колледже, - сказала Лили, не совсем ругаясь, - так что перестаньте вести себя так, будто это не очень важно... это так".

"Ладно, ладно", - согласился Мейсон, которому нравилось видеть свою мать такой счастливой.

Мейсон открыл конверт и достал два билета. Он уставился на них в замешательстве. Он спросил, хотя это было очевидно: "Ты подарила мне два билета на круиз по Карибам?".

"Вообще-то, я купила нам два билета на круизный лайнер на Карибы", - поправила Лили, слишком драматично забирая один билет из его руки.

"Как мы можем себе это позволить?" спросил Мейсон. Хотя они не были по-настоящему бедными, у них не было лишних денег на многие удовольствия. Одна из причин, по которой он надеялся использовать свою поездку в колледж как трамплин для того, чтобы в конце концов его заметили скауты и он попал в НФЛ.

Мама и Мейсон всегда были только "мы". С тех пор как донор спермы ушел, когда она еще была беременна Мейсоном, они были только вдвоем. Даже родители отреклись от нее, когда стало ясно, что она станет матерью-одиночкой; хотя ее отец был служителем церкви, он так и не смог понять, что в основе Библии лежит тема прощения. Поэтому в шестнадцать лет Лили была не только матерью-одиночкой, но и жила на пособие.

И все же решительная Лили работала не покладая рук, в итоге получила аттестат зрелости, закончила колледж еще до того, как Мейсон окончил начальную школу, и в итоге устроилась на работу социальным работником, помогая детям, которые нуждались в той же помощи, в которой она так отчаянно нуждалась все эти годы. Конечно, это не очень хорошо оплачивалось - социальным работникам преступно мало платили, - но это позволяло оплачивать большую часть счетов.

Лили также работала официанткой в ресторане, где к ней постоянно приставали, чтобы заработать достаточно денег на эти билеты. Она с гордостью улыбнулась своему сыну: "Я откладывала деньги с тех пор, как ты начал ходить в школу".

"Правда?" спросил Мейсон, все еще удивленный.

Лили притянула сына к себе и обняла. "Я хотела сделать что-то особенное, только для нас двоих, пока ты не уехал в колледж, а я не осталась тридцатипятилетней одинокой девой".

"Ты можешь встречаться, знаешь ли", - заметил Мейсон, которому нравилось чувствовать, как массивные груди его матери прижимаются к нему... это были те самые сиськи, на которые он пускал слюни, о которых фантазировал, и на которые он потратил столько времени, чтобы наполнить дюжину стаканчиков из 7-11 Slurpee.

"Может быть, я так и сделаю, когда ты уедешь отсюда и у меня будет целый дом", - улыбнулась она, хотя на самом деле ей ужасно хотелось, чтобы он уехал в августе этого года. Она действительно не представляла, что будет делать с собой, когда у нее будет свой дом... они всегда были вдвоем. С тех пор как родился Мейсон, Лили никогда не ходила на свидания. Она дала себе торжественную клятву всегда быть рядом с сыном и, таким образом, завязала с мужчинами. Она даже представить себе не могла, какой будет жизнь без сына. Она всегда выполняла свою клятву, даже посещала все футбольные матчи, в которых он принимал участие, в том числе и на первом курсе, когда он сидел на скамейке запасных во время большинства игр. (Она покраснела, вспомнив, что Мейсон однажды признался ей, что все его товарищи по команде называли ее MILF).

Лили ласково поправила ему галстук-бабочку, а затем сказала: "А теперь пойдем, чтобы ты закончил школу".

Когда мама повернулась к двери его спальни, Мейсон посмотрел вниз, чтобы еще раз взглянуть на мамины ноги в чулках. Многие восемнадцатилетние сыновья не хотели бы отправиться с матерью в двухнедельный круиз, но помимо того, что она была замечательной, преданной, любящей матерью, она также была центром почти всех его сексуальных фантазий. Она была причиной его нейлонового фетиша... она носила их на работу каждый день и оставалась в них даже дома. Недавно Мейсон узнал, когда искал в ее комодке пару колготок, чтобы помастурбировать, что он не единственный: она тоже много мастурбировала. Он нашел полдюжины секс-игрушек. Через несколько дней, когда он снова рылся в ее шкафу, он нашел их еще больше! Он знал, что она пожертвовала всем ради него, но, по крайней мере, она нашла способ доставить себе удовольствие.

Мейсон иногда дробил, представляя себе главную чирлидершу Шеннон, его горячую учительницу английского миссис Уолкер или его застенчивую, но симпатичную партнершу по физике Бетти, но его главной и лучшей фантазией была его мама.

Так что идея провести две недели на Карибах с его мамой, где она, скорее всего, большую часть времени будет носить бикини, не вызвала сомнений... даже если это означало две недели без чулок.

Две недели спустя они отправились в круиз.

Их не раз принимали за пару. Мейсон выглядел старше своих восемнадцати лет, что является преимуществом хорошо сложенного футболиста, а Лили выглядела намного моложе своих

тридцати пяти лет... смесь генетики и нелепого изнурительного тренировочного режима, которому она подвергала себя последние шесть месяцев... с тех пор, как узнала, что ей придется быть в бикини. Поэтому, хотя она, несомненно, была старше своего сына, никто, даже один человек, не подозревал, что они мать и сын.

Лили наслаждалась комплиментами и даже начала играть в шараду, что они пара, когда взяла сына за руку во время экскурсии по оригинальному колониальному городу на второй день.

Член Мейсона мгновенно затвердел, когда она впервые взяла его за руку, и ему это понравилось, так как они держались за руки большую часть следующих нескольких часов, а затем снова и снова в течение следующих нескольких дней. Каждую ночь Мейсон кончал в ванной, восторженные фантазии о маме полностью поглощали его.

На пятый день они получили день, чтобы делать все, что пожелают, на одном из главных островов. После четырех дней, проведенных либо на корабле, либо в туристической ловушке, даже с общим удовольствием от ласковых рук, мама и сын уже устали от шопинга (и уже потратили большую часть своего бюджета на безделушки) и не хотели проводить день, толпясь на пляже с сотнями туристов.

Поэтому, когда местный житель на водном такси предложил им поехать на уединенный пляж в полчаса езды на лодке от главного, они приняли его предложение.

Рассчитывая побывать сегодня на пляже, Лили надела свое новое белое бикини, не заметив, что перед ней вдруг оказался член ее сына, готовый прорваться сквозь плавки. И хотя день был жарким, она быстро остыла на яхте в таком крошечном бикини и платке, который мало что делал, кроме как скрывал ее тело, пока она не оказалась на пляже.

Мейсон постоянно и, как правило, безуспешно пытался не пялиться на мамины сиськи в бикини... ее роскошные сиськи, едва сдерживаемые тонкой тканью.

Лили, дрожа от налетевшего ветра, прислонилась спиной к сыну.

Мейсон, чувствуя, как дрожит его мать, обхватил ее руками, желая согреть ее, но в то же время наслаждаясь их близостью. Его член оставался твердым всю поездку; его руки лежали чуть ниже ее сисек... он чувствовал их тепло на своих руках.

Почти через тридцать минут, которые показались Мейсону всего лишь пятью минутами и который был в восторге от иллюзии, что они с матерью - пара, водитель водного такси указал на остров, что-то сказал, а затем задал вопрос, который никто из них не расслышал, но Лили кивнула утвердительно.

Кивнув, водитель водного такси широко улыбнулся и припарковался на белом пляже острова.

Когда водитель высаживал их, его мать отошла от него, и Мейсон почувствовал краткий миг разочарования. Последние полчаса он провел, обнимая мать, глядя через ее плечо на сладострастную долину. Ее шаль постоянно распахивалась от ветра, а глаза смотрели вперед, давая ему непрерывный, ничем не ограниченный обзор. Он был очень осторожен, не позволяя своей постоянной эрекции касаться ее.

Водитель сказал: "Я вернусь через четыре часа".

Они кивнули; это казалось разумным количеством времени для осмотра этого, казалось бы, уединенного острова.

Он добавил: "Следуйте по тропинке. Двадцать минут. Вы будете в небольшой частной бухте с прекрасным пляжем из белого песка".

Мейсон снова кивнул и поблагодарил его.

Он кивнул в ответ, улыбаясь от уха до уха, как будто участвуя в какой-то внутренней шутке, понятной только ему: "Развлекайтесь, но не опаздывайте".

После всей шумихи и туризма последних нескольких дней, переполненных туристических ловушек и агрессивных продавцов, это было освежающее и столь необходимое спокойное время для них двоих.

Как только водное такси уехало, они начали спускаться по узкой тропинке к бухте, о которой говорил водитель. Лили, которая явно выбрала неподходящую обувь - трехдюймовые туфли - для двадцатиминутного похода по пересеченной местности, взяла сына за руку и пошутила: "Не дай мне упасть".

Мейсон пытался казаться шутником, но был абсолютно серьезен, когда обещал: "Я буду защищать тебя своей жизнью".

Чем дольше они шли, тем больше Мейсон чувствовал себя не столько сыном, сколько парнем... парнем, который, к сожалению, еще не довел отношения до конца.

Когда они пришли в бухту, там уже находились три очень привлекательные пары, причем все женщины были одеты в одинаковые, откровенные бикини, что заставило его и без того твердый член напрячься еще больше. Все три женщины были сексуальными и в возрасте около двадцати лет, а все мужчины были точеными богами, казалось, прямо из журнала GQ.

И хотя Мейсон считал себя вполне симпатичным парнем и находился в отличной форме (он ежедневно тренировался, чтобы оставаться в форме и набрать мышечную массу для предстоящего осеннего футбольного сезона), он не шел ни в какое сравнение с этими парнями.

<http://erolate.com/book/2621/62536>